

Искусствоведческий дискурс в филологическом пространстве

Наталья Ивановна Сезева

«ТЮМЕНЬ УХОДЯЩАЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКОВ 1970–1980-х гг.

(Г. Токарев, Ю. Рыбьяков, А. Новик, Ю. Юдин)

Статья посвящена творчеству художников Тюмени, начинавших свой путь в профессиональном искусстве в начале 70-х годов. На протяжении нескольких десятилетий тема города становится постоянным источником творческого вдохновения этих художников, эмблемой их поэтики.

Неожиданной, разноликой и даже фантастической предстает Тюмень в живописных и графических произведениях художников Геннадия Токарева и Юрия Юдина, Александра Новика и Юрия Рыбьякова.

Геннадий Токарев (1939–1995) утвердил себя как художник со своим индивидуальным почерком в конце 60–начале 70-х годов. В этот же период он впервые обратился к теме города, продолжив традиции, начатые его предшественниками А. Митинским, В. Барашевым, А. Мурычевым, у которых он многому научился.

Пожалуй, особенно пронзительно эта тема зазвучала в многочисленных городских пейзажах, написанных художником в 80-е годы — последнее десятилетие жизни. В этот период серию работ Г. Токарев посвятил «портрету» дома. «Меланхолия», «У оврага» (обе — 1982), «Последняя весна» (1985). В каждом из этих произведений художник использует единое композиционное решение: главное действующее «лицо» «солирует», занимая большую часть холста. Сам дом становится почти живым существом, наделенным своей биографией, своим характером, своей судьбой. Являясь как бы частью окружающего пейзажа — земли, пасмурного, почти всегда облачного неба, деревьев, в то же время эти памятники прошлых столетий противостоят пространству и времени. Замкнутые, одиноко доживающие свой век, светящиеся внутренним светом, они хранят тайну, загадку.

В одной из статей М. Цветаева писала: «...Есть дома, которые живут. Сами. Вне людей. Стенами, ступенями, тупиками, выступами, закоулками, стуками, шагами, тенями — всем, кроме человека. Дома, где «водится» все, кроме человека. Дома, «обитаемые» и, тем не менее, необитаемые. Дома, столь сильно жившие, или так сильно жившие, что просто живут дальше. Как книга, уже не нуждающаяся ни в авторе, ни в читателе. Источник жизни, хранилище жизни, но уже не игралище ее. Дом, вышедший из игры» [Цветаева 1988: 35].

которые не на прямую, но опосредованно читаются в живописных пейзажах художника середины 70-х годов, объединенных им в серию «Старый город». В этот период Тюмень стремительно меняла свое лицо, сносились целые кварталы старого города. Это послужило толчком для того, чтобы ожили детские воспоминания.

«По знакомым местам ходил, где детство прошло. Дома, улочки интересные искал, связанные с детством, ощущения знакомые», — вспоминает художник. Картины Юдина тех лет носят как бы «историческо-ландшафтный» характер; они «портретны» и узнаваемы. Созданию каждого пейзажа предшествовала работа на натуре: тщательно выбирался понравившийся и наиболее характерный мотив, делался подробный рисунок, который уже в мастерской слегка перекомпоновывался, дорабатывался и ложился в основу будущей картины.

Особой поэтичностью и тонкостью письма выделяется пейзаж «Старый город. За рекой» (1978), изображающий заречную часть города с тесно обступившими Вознесенскую церковь XVIII века небольшими деревянными покосившимися прибрежными домиками. Ю. Юдин пишет пейзаж с противоположного берега Туры, с высокой точки, отчего он приобретает панорамный характер. Внимательно, с любовью художник тонкими лессировочными мазками серебристо-серого цвета воссоздает заброшенные дома, зияющие пустотой окон, живописную фактуру облупившихся стен церкви, деревья и кустарники в осеннем наряде, пасмурное небо в облаках, отражающееся в зеркале воды. Пейзаж исполнен покоя и печали, чарующей гармонии увядания. Все формы предметов словно окутаны дымкой, истаивают и растворяются в пространстве картины. Этому впечатлению способствует единая тональная цветовая гамма, построенная на сочетании серебристо-серого, охристо-розового и зеленоватого тонов.

С начала 80-х годов Ю. Юдин начинает работать над графической серией «Старая Тюмень». Город детства оживает в его монотипиях «Мальчик и змей» и «Август. Старый город» (обе — 1982). Вибрация и некоторая шероховатость красочной поверхности листа бумаги, размытость контуров рождает ощущение зыбкости, изменчивости изображенного. Тюмень увидена как бы сквозь призму времени, глазами подростка. Эти листы буквально пронизаны чувством исповедальности, они во многом биографичны.

В поздних монотипиях Ю. Юдина Тюмень предстает в разных ликах: город как фантазия, город как воспоминание, город как дом. Она как бы дает художнику повод для размышлений на сложные философские темы человеческого бытия: добра и зла, жизни и смерти, молодости и старости...

Ассоциативность, метафоричность отличают работы 80–90-х годов. Цвет, линия, пятно, силуэт, фактура — весь спектр изобразительных средств Юдин использует, чтобы заполнить условное пространство листа. Небо и земля, божественное и земное не разделены, но переведены в общий, несколько «сказочный», «фантазийный» план. Художник стремится изобразить пространственно единую и единую временную среду. Ангелы-хранители, горящие и несгорающие деревья, летающие дома, светящиеся лики старцев, детское лицо... — эти знаки, как навязчивые видения, грезы наяву, присутствуют во многих его графических листах. Нужно заметить также, что у художника сложился определенный тип композиции с изображением в нижней центральной части листа лица подростка, как бы увенчанного домом, каких много еще можно увидеть в старом районе Тюмени.

По работам Ю. Юдина можно долго зрительно «путешествовать», не уставая, открывая все новые подробности.

В городских пейзажах тюменского художника Александра Новика конца 1970-х–начала 1980-х годов остро ощущается некоторая протяженность времени, в пределах которого зритель как бы повторяет путь, пройденный художником от природы к ее переживанию и от него — к изображению.

Для Новика какой-либо городской мотив служит импульсом, чтобы оживили детские воспоминания, ощущения. Художник редко пишет с натуры, ограничиваясь лишь небольшими набросками, а потом уже на их основе в мастерской создает картину, опираясь более всего на мысленный образ. Недосказанность, некоторая таинственность пронизывает его пейзажи. Несмотря на достаточно условное пространство холста, безошибочно можно узнать изображенные художником предметы — Вознесенскую церковь, построенную в XVIII веке в Заречье, где прошло его детство, старый дом, Парфеновскую кладбищенскую церковь... И все же истинная реальность картины не в них, а в особой осязательности душевных состояний, движений, настроений. Непознанное до конца духовное пространство картины как бы втягивает нас в себя. Все здесь — цвет, фактура и динамика мазка, игра света и тени — служит тому, чтобы максимально приблизить зрителя к картине, создать определенное эмоциональное и цветовое ощущение города.

Свой «портрет» города создает в серии графических и живописных работ сибиряк Юрий Рыбьяков. Начиная с 1960-х годов художник с любовью пишет убегающие вдаль улочки Тюмени, не парадные, но очень характерные и выразительные ее переулки и перекрестки, уютные, ничем не примечательные домики старого города. Одной из характерных особенностей Рыбьякова-пейзажиста является острота мгновенного восприятия окружающего. Художника занимает передача собственных впечатлений от увиденного, стремление передать на холсте и листе бумаги общее эмоциональное и живописное состояние понравившегося ему мотива. Не случайно свои многочисленные этюды, акварели, гуаши он создает непосредственно с натуры, на одном дыхании, в технике «алла-прима». Эта всепоглощающая и взволнованная влюбленность в природу полнее всего сказалась в серии гуашей, отмеченных богатством и насыщенностью тона, бархатистостью поверхности листа — «Майский день», «Серебристый день» (обе — 1980), «Осень в Тюмени», «Весной» (обе — 1892). Городские виды художника, кажущиеся такими простыми, непритязательными, вызывают какое-то щемящее предощущение близости тайны и невозможности в нее проникнуть. Часто в центре графических листов он изображает улицу, окаймленную фасадами домов. Улица или уходит вверх, или сбегает вниз, или заворачивает за угол, и взгляд вслед за художником то внезапно останавливается, то совершает длительное «путешествие» в глубь пространства листа. Городские пейзажи часто безлюдные, пустынные, иногда оживлены миниатюрными фигурками людей, что придает им особую интимность и камерность.

Ю. Рыбьяков всегда стремится к слитности городских улиц и домов с природой. Поэтому часто город воспринимается художником через сложную вязь стволов деревьев, графический узор из ветвей, сплетающихся в своеобразный ковер. Деревья, стоящие на переднем плане или фланкирующие композицию, «держат» не только «каркас», но и цвет, который во многом определяет и эмоциональную выразительность, и всю поэтику работ художника. Главную роль играет оттенок неба, чаще всего дождливого, пасмурного. Не случайно художник использует серый, серебристый, палевый, пепельный цвет, который точно передает колорит «портрета» старого города.

Работы Ю. Рыбьякова, посвященные Тюмени, обладают некоей настойчивой притягательностью, горько-нежным очарованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветаева М. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988.